

Патлаевский Иннокентий Иустинovich

**Теория денежного обращения
Рикардо и его последователей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И66

И66 **Иннокентий Иустинович П.**
Теория денежного обращения Рикардо и его последователей / Патлаевский
Иннокентий Иустинович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 364 с.

ISBN 978-5-521-27356-0

ISBN 978-5-521-27356-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ экономистовъ упрекаетъ составителей руководствъ по политической экономіи въ томъ, что они держатся старыхъ воззрѣній по вопросу о деньгахъ и не обращаютъ никакого вниманія на тотъ прогрессъ въ развитіи понятій объ этомъ вопросѣ, который будто-бы сдѣлала наука въ послѣднее время, благодаря спеціальнымъ трактатамъ цѣлыхъ правительственныхъ комиссій и монографіямъ извѣстныхъ ученыхъ.

Такой упрекъ, конечно, не можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ общихъ курсахъ экономіи вопросъ о деньгахъ излагается не во всей полнотѣ и подробностяхъ. Дѣло, очевидно, идетъ о томъ, что самые основные принципы и положенія, добытыя будто-бы наукою въ послѣднее время, дѣлаютъ негодною старую теорію.

На сколько справедливъ такой упрекъ? Во всякомъ случаѣ онъ вполне характеризуетъ современное направленіе научной разработки вопроса о деньгахъ и отношеніе новыхъ ученій къ наукѣ политической экономіи.

Составители руководствъ по политической экономіи, поставленные въ необходимость ввести ученіе о деньгахъ въ общую систему науки, принуждены оставлять иногда

безъ всякаго вниманія всѣ новыя ученія и изслѣдованія по этому вопросу, и излагать теорію денегъ въ такомъ видѣ, въ какомъ изложена она у первыхъ основателей науки.

Благодаря Адаму Смиту, наука имѣетъ теорію денежнаго обращенія, если не совсѣмъ выработанную въ отдѣльных частяхъ и подробностяхъ, то вполне очерченную и, что самое главное, построенную на общихъ началахъ экономической науки.

Сущность этой теоріи весьма проста. По ученію Смита, деньгами можетъ быть всякій товаръ, имѣющій цѣнность. Чѣмъ лучше цѣнность товара, чѣмъ она постояннѣе, чѣмъ болѣе предметъ удобовижимъ и т. д., тѣмъ лучше такой товаръ можетъ выполнять роль денегъ.

Вопросъ о цѣнности денегъ съ такой точки зрѣнія не представляетъ никакихъ трудностей въ своемъ рѣшеніи. Если хлѣбъ будетъ служить орудіемъ обращенія, то цѣнность такого орудія обращенія будетъ зависѣть во всякое время отъ цѣнности хлѣба. Тоже самое вполне примѣняется и къ тому случаю, когда деньгами будутъ служить благородные металлы. Цѣнность золотой или серебряной монеты будетъ опредѣляться цѣностью золота и серебра, существующею на рынкѣ.

Несмотря на то, что ученіе о кредитѣ только въ новейшее время получило болѣе строгое научное развитіе, мы находимъ однакоже у Адама Смита нѣкоторыя общія замѣчанія о кредитныхъ орудіяхъ обращенія, свидѣтельствующія о необыкновенной геніальности этого писателя, умѣвшего сдѣлать выводы весьма правильные и вѣрные, на почвѣ, бѣдной еще наблюденіями и опытомъ.

Но на ряду съ этою теоріею, какъ наследіе среднихъ

вѣковъ, мы получили между прочимъ, въ числѣ другихъ теорій денежнаго обращенія, теорію, такъ сказать, камералистическую. По этой теоріи деньги имѣютъ цѣнность, не потому что они сдѣланы изъ цѣннаго матеріала, а потому, что они посятъ особый, государственный штемпель, и что закономъ предписывается для нихъ опредѣленная цѣнность. Право создавать такія деньги принадлежитъ исключительно верховной власти и считается въ числѣ правъ регальныхъ. По этой теоріи власть могла создавать цѣнность. Всякій предметъ не имѣющій никакой цѣны, простой листокъ бумаги, благодаря штемпелю и надписи въ 1 ф. хлѣба или золота долженъ былъ имѣть такую же цѣнность какъ одинъ фунтъ дѣйствительнаго хлѣба или одинъ фунтъ дѣйствительнаго золота. Средневѣковые камералисты развили это ученіе особенно въ періодъ порчи монеты и фальшивыхъ поддѣлокъ, практиковавшихся почти во всей западной Европѣ въ теченіи среднихъ вѣсовъ. Говорятъ, что первый разъ выпущена была эта теорія какимъ-то Иваномъ Фаберомъ при Филиппѣ Валуа. Онъ прямо говоритъ, «*Principes habet potestatem—dare cursum et valorem monetae*». Отсюда явилась *bonitas extrinseca* и *bonitas intrinseca* монеты ¹⁾. Теорію эту нельзя назвать ни экономической ни юридической. Всѣ фантастическія ученія меркантилистовъ, проекты Ло и другихъ, основывались на болѣе прочныхъ и раціональныхъ понятіяхъ о деньгахъ, несовсѣмъ утратившихъ

¹⁾ Budelius; *De mutatione monetarum tractatus*. Замѣчательно, что и въ то время теорія эта встрѣчала противниковъ. Противъ одного неизвѣстнаго писателя утверждавшаго, что государство можетъ дѣлать деньги изъ олова или кожи, замѣчаетъ Буделиусъ: *Eadem enim ratione posset fieri pecunia de papyro arte impressoria, quod non minus esset ludicrum et ridiculum quam ludus puerilis*. См. *Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes den Inhalt von Geldschulden. von Dr. Gustav Hartmann. Professor Basel. Braunschweig. 1868, стр. 127.*

значеніе и въ настоящее время. Старые юристы имѣли такъ-же замѣчательно вѣрный и широкій взглядъ на природу денегъ. Такъ напр. Гай говоритъ: «Appellatione autem pecuniae omnes res in ea lege (Cornelia) significuntur; itaque si vinum vel frumentum aut si fundum vel hominem stipulemur, haec lex observanda est. Еще лучше у Гермогеніана: Pecuniae nomine non solum numerata pecunia sed omnes res tam soli quam mobiles et tam corpora quam jura continentur. Ульпіанъ замѣчаетъ: Omnem omnino pecuniam hoc est omnia corpora ¹⁾).

Нужно сознаться однако же, что теорія, приписывавшая власти созидать цѣнность, терявшая всякое справедливое основаніе при самомъ поверхностномъ анализѣ, нашла прежде всего поддержку у юристовъ.

Экономическія явленія жизни требовали строгихъ юридическихъ формъ. Понятно, что мѣновыя отношенія чисто экономического свойства, составляющія быть можетъ большинство имущественныхъ правоотношеній, въ основѣ своей имѣютъ понятіе о цѣнности. Юристы вполне сознавали это; но чтобы имущественныя правоотношенія, въ тѣхъ случаяхъ когда они основаны на цѣнности, получили строгую опредѣленность, пришлось установить законную цѣнность, которая представлялась бы извѣстною вещью. Матеріальная сторона дѣла оставалась почти недоступною. Приблизительной справедливости юристы такъ же допустить не могли, и потому понятію денегъ нужно было дать чисто формальное значеніе,—законнаго платежнаго орудія. Такое формальное понятіе о деньгахъ могло вполне совпадать и съ экономическимъ; но оно было гораздо шире и допускало возможность существованія денегъ ничего не стоящихъ, осво-

¹⁾ Тамъ же ст. 18 и слѣд.

бождавшихъ отъ долговъ, не вслѣдствіе платежа цѣнности, а вслѣдствіе силы и власти. При помощи законнаго платежнаго орудія долги могутъ погашаться формально, хотя бы при этомъ и не всегда слѣдовало матеріальное удовлетвореніе.

Несомнѣнно, что власть не можетъ создавать цѣнности, но за то она сама цѣнна. Возможность брать насильно на рынкѣ товары или освобождаться силою отъ долговъ должна имѣть цѣнность, хотя цѣнность законнаго платежнаго орудія въ этомъ смыслѣ опредѣляется совершенно иными условіями, чѣмъ цѣнность денегъ въ смыслѣ экономическомъ.

Понятіе о законномъ платежномъ орудіи, какъ мы сказали, можетъ совпадать, но можетъ и совершенно расходиться съ экономическими понятіями о деньгахъ, предполагающими въ нихъ лучшую цѣнность, добровольно признаваемую и способную измѣрять цѣнность въ другихъ предметахъ.

У юристовъ денегъ, ничего нестоющихъ, въ существѣ не могло быть. *Bonitas extrinseca* предполагала все таки вынужденный курсъ, цѣнную власть. Но *bonitas intrinseca* могла быть или не быть, и понятіе о деньгахъ, ничего нестоющихъ, могло находить поддержку у юристовъ. Ученіе о деньгахъ, какъ о нумераціи, знакахъ, несомнѣнно принадлежитъ юристамъ. Правда Гай говоритъ напр. о старыхъ римскихъ деньгахъ, что «*eorumque nummorum vis et potestas non in numero erat sed in pondere*». Но за то другіе, какъ напр. Павелъ, говорятъ о деньгахъ, какъ о матеріи, «*cujus publica ac perpetua aestimatio difficultatibus permutationum aequalitate quantitatis subveniret*, и что матерія

эта «*forma publica percussa usum dominiumque non tam ex substantia praebet quam ex quantitate* 1).

Теорія камералистическая, поддержанная юристами, получала мало по малу почти всеобщее признаніе. Развилось убѣжденіе, что нѣтъ надобности даже въ вынужденномъ курсѣ и силѣ, которая придавала бы цѣнность деньгамъ, что по существу своему потребность въ деньгахъ есть просто потребность въ счетѣ, что наконецъ деньги не только могутъ быть сдѣланы изъ матеріала ничего не стоящаго, но могутъ просто представлять идеальный счетъ.

Казалось, что факты дѣйствительной жизни подтверждали это. Въ старыя времена люди употребляли куски кожи, раковины и т. д. вмѣсто денегъ. Указываютъ, между прочимъ, на кареагенянь, нѣкоторыя племена Африки, гдѣ деньги будто бы были изъ матеріала, ничего нестоющаго, а Монтескье наконецъ нашелъ чисто идеальныя счетныя деньги макуты 2).

Понятно, что такое ученіе о деньгахъ должно было стать въ рѣзкое противорѣчіе съ основными положеніями экономіи, а предполагаемые факты, подтверждавшіе теорію, требовали болѣе точнаго обслѣдованія. Нѣкоторые экономисты прямо отвергали теорію и заподозрили справедливость фактовъ. Смитъ мало обращалъ вниманія на это ученіе, хотя изъ тѣхъ немногихъ замѣчаній, которыя мы находимъ у него по этому предмету, видно, что теорію, видѣвшую въ деньгахъ одни знаки, онъ признавалъ совершенно ложною и не выдерживающею критики. Такихъ же воззрѣній держались и держатся его ученики.

1) Тамъ же стр. 114.

2) Montesquien, *esprit des loix lib.* XXII, а объясненіе у Макколоха *Geld und Banken*, übers. von Bergius und Tellkamp, 1859 стр. 14.

Совсѣмъ иначе отнеслись къ дѣлу другіе экономисты и вообще публика. Понятія о кредитѣ были еще слабо развиты. Юристы стояли за законный курсъ; возможность денегъ, ничего нестоющихъ, подтверждалась фактами, которыхъ не было надобности заподозрѣвать, тѣмъ больше что съ появленіемъ бумажныхъ денегъ новые факты были, по видимому, на лицо.

Для экономистовъ явилась неблагодарная задача найти теорію денегъ, которая подходила бы подъ общее экономическое ученіе о цѣнности и въ тоже время объяснила бы *цѣнность денегъ, ничего не стоящихъ.*

Такую теорію создалъ извѣстный англійскій экономистъ Давидъ Рикардо. Обладая замѣчательнымъ даромъ анализа, зная практически экономическую жизнь, какъ лондонскій банкиръ и торговецъ фондами. Рикардо внесъ въ науку политической экономіи массу весьма важныхъ вопросовъ, поставилъ много самостоятельныхъ рѣшеній и по всей справедливости занимаетъ въ наукѣ второе мѣсто послѣ Адама Смита.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Рикардо бралъ всегда какое нибудь положеніе, вытекавшее изъ явленій экономической жизни, путемъ анализа и выводовъ развивалъ экономическій законъ съ замѣчательною логическою послѣдовательностью, и по каждому вопросу строилъ такимъ образомъ цѣлую научную систему, мало обращая вниманія на согласіе въ выводахъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Если основное положеніе было вѣрно, то и вся система выводовъ созидалась у Рикардо съ замѣчательною логическою послѣдовательностью и точностью. Но если основное положеніе было ложно, то всѣ дальнѣйшіе выводы и построенія складывались въ софистическую систему, иногда самую абстракт-

ную, совершенно противурѣчившую явленіямъ дѣйствительной жизни. Таже сила ума и логики служила иногда для блестящихъ разъясненій самыхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ, иногда же и для построенія софизмовъ, затемнявшихъ и извращавшихъ пониманіе самыхъ простыхъ явленій жизни. Если Рикардо впадалъ въ ошибки и строилъ софистическую теорію, то онъ оставался вѣренъ ей, немогъ отрѣшиться отъ заблужденій остававшихся потомъ на долго въ наукѣ неразрѣшимыми задачами.

Рикардо приобрѣлъ всеобщую извѣстность въ литературѣ своимъ оригинальнымъ рѣшеніемъ вопроса о рентѣ. Но едва ли это ученіе имѣло и десятую долю того вліянія на науку и жизнь, какое имѣла его теорія денежнаго обращенія ¹⁾. Между тѣмъ признаніе этого вліянія начало обнаруживаться только въ новѣйшее время вмѣстѣ съ сознаніемъ ошибочности теоріи.

Основное положеніе, изъ котораго вытекаетъ вся теорія Рикардо, имѣетъ какъ бы чисто математическую отвлеченную точность. Это положеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

¹⁾ Приписывая теоріи бумажныхъ денегъ Рикардо такое громадное вліяніе на изслѣдованіе вопроса о деньгахъ до настоящаго времени, мы опираемся на свидѣтельство извѣстнѣйшихъ экономистовъ какъ Тукъ, Вагнеръ и особенно Штейнъ. Последний прямо говоритъ: *Ricardo ist der Hauptvertreter und eigentliche Begründer der Lehre von der Fundation*. См. *Lehrbuch der Volkswirtschaft*. L. Stein, Wien 1858 ст. 61. Маклеодъ, правда, всѣ усилія употребляетъ чтобы не упоминать даже имени Рикардо, въ вопросахъ о теоріи обращенія и называетъ нѣсколькихъ предшественниковъ, какъ Boyd, Lord King, Thornton и др., которымъ по его мнѣнію наука обязана установленіемъ главныхъ законовъ денежнаго обращенія; но свидѣтельство Тука, всѣ акты парламентскихъ комиссій и ссылки на авторитетъ Рикардо защитниковъ чилевскаго акта въ новѣйшее время свидѣлствуютъ, что авторитетъ теоріи бумажныхъ денегъ въ Англіи связанъ съ именемъ Рикардо. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ему обязана какъ въ Англіи такъ и на континентѣ признаніемъ экономистами теорія, отвергнутая Смитомъ.

если сумму въ 100 рублей представить въ билетахъ, то билетовъ въ 100 рублей будетъ всего 1.

— въ 50 рублей — — 2.

— въ 10 рублей — — 10.

— въ 1 рубль — — 100.

Изъ чего слѣдовало, что, для уплаты извѣстной суммы, количество билетовъ будетъ зависѣть отъ ихъ цѣнности. Рикардо пошелъ дальше и говорить: *и на оборотъ—отъ количества зависитъ цѣнность*. Изъ этого само собою слѣдовалъ общій законъ, что съ увеличеніемъ количества билетовъ цѣнность ихъ пропорціонально уменьшается, а съ уменьшеніемъ билетовъ цѣнность ихъ пропорціонально увеличивается. И такъ, нужно было только найти ту общую сумму, которую должны представлять всѣ билеты, обращающіеся въ данной странѣ,—эта сумма должна опредѣляться *потребностями рынка въ орудіяхъ обращенія*.

И такъ, теорія камералистовъ получила у Рикардо экономическое объясненіе. Въ данномъ обществѣ въ данный моментъ существуетъ опредѣленная потребность рынка въ орудіяхъ обращенія на извѣстную сумму по цѣнности—напримѣръ, на 1000 рублей. Кто имѣетъ монополію удовлетворять этой потребности, государство или банкъ, тотъ можетъ выпускать билеты, не имѣющіе ничего общаго съ кредитными обязательствами,—бумажные деньги. На такихъ билетахъ достаточно одной нумераціи, чтобы они ходили наравнѣ съ дѣйствительнымъ металломъ. При этомъ тотъ, кто выпускаетъ такіе билеты, можетъ совершенно отказываться отъ ихъ размѣна и даже отъ приѣма въ свои кассы. Тутъ *bonitas extrinseca* создавалась суммою потребностей рынка въ орудіяхъ обращенія и распределеніемъ этой суммы на количество билетовъ. Какое бы ни было количе-

ство билетовъ, всѣ они вмѣстѣ будутъ имѣть цѣнность на сумму потребностей рынка въ орудіяхъ обращенія. И собственно говоря, денежное обращеніе не можетъ быть никогда избыточнымъ до излишка, ибо 100 билетовъ будутъ имѣть такую-же цѣнность, какъ и миллионъ. Конечно, вмѣсто билетовъ, употребляется часто монета металлическая; тогда является двойная *bonitas*—*extrinseca* и *intrinseca*. Въ этомъ и заключается вся теорія Рикардо.

Трудно вѣрить, чтобы такого рода доктрина могла найти послѣдователей въ рядахъ экономистовъ. Но, къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что все, что въ настоящемъ столѣтіи, за весьма немногими исключеніями, писано о деньгахъ, такъ или иначе представляетъ повтореніе или комментированіе этой теоріи. Рикардо вѣрилъ въ свою теорію до конца своей жизни. И всякій, кто читалъ его сочиненія по этому предмету, почти всегда дѣлался его послѣдователемъ. Въ Англіи, странѣ денегъ и кредита, теорія Рикардо получила и имѣетъ полное господство; такъ что и въ настоящее время вполне несогласныхъ съ этой теоріею нѣтъ; по крайней мѣрѣ мы не можемъ указать на писателя, котораго нельзя бы было считать ученикомъ и послѣдователемъ Рикардо. Въ парламентскихъ комиссіяхъ, по вопросамъ о денежномъ обращеніи, Рикардо, при жизни лично, а послѣ смерти своими сочиненіями, служилъ и служитъ главнымъ авторитетомъ. При чтеніи показаній Рикардо передъ парламентскими комиссіями часто кажется, что члены комиссій призывали его только за тѣмъ, чтобы лично отъ него услышать ту теорію, которую члены вычитали предварительно изъ его брошюръ. Сила логики и софизмовъ была такъ обаятельна, что, противопоставляя теоріи противорѣчившіе ей факты, члены комиссій, получали